

Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: культура, традиции, символика. Учебное пособие. М., 2002. 247 с.

Левина Л.М. Древнехорезмийский памятник – Елхарас. М., 2001. 96 с.

Межэтнический мир Прикамья. Опыт этнополитической деятельности Администрации Пермской области / Отв. ред. Н.А. Дубова. Т. 3–4. М., 2001. 286 с., 346 с.

Очерки экспедиционного быта в Закавказье / Ред. В.И. Козлов. М., 2001. 323 с.

Соколовский С.В. Образы Других в российских науке, политике и праве. М., 2001. 235 с.

Исследования по прикладной и неотложной этнологии

№ 146. Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX–XX веков

№ 147. Матвеев В.А. Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность

№ 148. Ситнянский Г.Ю. Тринадцатый миф о Центральной Азии

№ 149. Силантьев Р.А. Этнический аспект раскола исламского сообщества России

№ 150. Губогло М.Н. Мобильность и мобилизация

№ 151. Смирнова С.К. Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России

№ 152. Сирина А.А. Народы севера Иркутской области

№ 153. Юраков А.В. Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане

№ 154. Смирнова С.К. Современные социально-экономические процессы в Удмуртии

№ 155. Осипов А.Г. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев)

№ 156. Смирнова С.К. Современные этносоциальные процессы в Удмуртии

№ 157. Смирнова С.К. Современные этнополитические процессы в Удмуртии

№ 158. Бабиц И.Л. Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай

Е.А. Пивнева

© ЭО, 2003 г., № 3

Н. Б. Вахтин, А. А. Сирина

«КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ СИБИРСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ?» РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА ПО МЕТОДИКЕ, МЕТОДОЛОГИИ И ЭТИКЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СЕВЕРЕ СИБИРИ

6–9 марта 2002 г. в Халле (Заале), Германия, в открывшемся три года назад Институте социальной антропологии им. Макса Планка и при его финансовой поддержке прошел семинар, попытки организации которого предпринимались с 1996 г. Семинар был посвящен проблемам истории, методологии и методики этнографических исследований, ставшим сегодня как никогда актуальными.

В семинаре приняли участие около 40 ученых и аспирантов из России, Великобритании, Германии, США, Болгарии, Австрии, Швеции. Назовем лишь некоторых: Д. Андерсон, Т. Аргунова, П. Витебски, Е. Головкин, К. Клоков, Н. Новикова, Н. Ссорин-Чайков, К. Хэмфри, П. Швайцер. Собственно «доклады» было девятнадцать: слово «доклады» сознательно поставлено в кавычки, так как участники сделали все, чтобы избежать обычного для подобных конференций публичного зачитывания заранее приготовленных научных текстов.

Работа семинара состояла из общих заседаний и заседаний по рабочим группам. Каждый из трех дней был посвящен одной большой теме: «Исторический и теоретический взгляд на сибиреведение», «Исследовательские подходы и научная этика», «Исследовательские задачи». Участникам были заранее предложены темы выступлений, причем подчеркивалось, что доклад должен быть неформальным, опираться на собственный опыт выступающего и стимулировать дискуссию. Вот примеры некоторых предложенных

тем: «Советские теоретические подходы в сибиреведческих исследованиях», «Обзор изменений в полевых исследованиях в постсоветский период», «Сотрудничество с общинами коренных жителей», «Коллективные или индивидуальные исследования?», «Соблазны прошлого: антрополог или историк?», «Международное сотрудничество: плюсы и минусы», «Роль музеев в современных исследованиях Сибири», «Особенности работы антрополога в нищих и разрушенных общинах», «Этические вопросы полевой работы и практическая антропология».

Ежедневно во второй половине дня участники семинара расходились по рабочим группам, перед которыми также были поставлены конкретные вопросы (например: «Какие теоретические и методологические подходы являются общими для российских и западных антропологов?», «Каковы основные этические проблемы полевой антропологии сегодня и в будущем?», «Какова стратегия привлечения, обучения и поддержки молодых исследователей Сибири?» и другие). К концу дня участники вновь собирались вместе и обсуждали результаты дискуссий.

Такая организация семинара позволила достичь главного: в течение всех трех дней в аудиториях Института шла непрерывная, горячая и содержательная дискуссия по проблемам, интересующим сегодня «сибиреведческое сообщество». Поскольку состав рабочих групп был непостоянным (участники семинара сознательно «перемешивались»), каждый успел познакомиться и поговорить практически с каждым. Эти разговоры выходили за рамки заседаний, шли в перерывах, за обедом, за ужином. Интенсивность и полезность научного общения была, по единодушному мнению участников, значительно выше, чем на обычных конференциях такого рода.

Вопрос, вынесенный в название семинара, несмотря на свою кажущуюся странность (как может принадлежать кому-то целая научная область?) при более внимательном рассмотрении все же обретает смысл. Российские ученые на собственном опыте испытали, как за последние годы изменилось и сибирское этнографическое «поле», и само научное сообщество, это «поле» изучающее. Поэтому несколько членов неформального международного сибиреведческого сообщества задумались об организации семинара для того, чтобы собрать вместе российских и западных исследователей-сибиреведов и попытаться ответить на ряд методологических, методических и этических вопросов, а также определить, каково место российских и зарубежных исследователей в общем сибирском этнографическом «поле»?

В течение многих советских десятилетий этнографическое сибирское «поле» было практически закрыто для иностранных ученых. Об активном когда-то международном сотрудничестве в исследованиях Сибири напоминали экспедиции XVIII–XIX вв., проводившиеся Российской Академией Наук и Императорским Русским Географическим Обществом¹, труды Джезуповской экспедиции начала XX в.² Сибирские лингвистические, этнографические и археологические данные оказали влияние на развитие научных направлений, подходов и теорий в Германии, Австрии, Венгрии, Франции, Китае, Америке³. Однако к концу 1920-х годов эти контакты прекратились.

Во второй половине XX в. западные ученые снова стали посещать Сибирь. С 1975 г. короткое время работала М. Мандельстам Балзер, которая получила возможность заниматься полевой работой среди хантов и якутов⁴. На юге Сибири, у бурят, в конце 1970-х годов работала Кэролайн Хэмфри⁵. В 1986 г. начал свою работу в Якутии Пирс Витебски⁶. Фундаментальная работа по шаманству была написана на основе сибирских источников Робертой Амайон из Франции⁷. Список имен можно было бы продолжить.

Особенностью работы западных исследователей в Сибири в советские годы был официальный характер их посещений – по приглашению (и под присмотром) Академии наук: их «передавали» из одних академических рук в другие, их маршрут и контакты строго контролировались «компетентными органами», и их пребывание было обычно недолгим.

На рубеже 1980–1990-х годов в Сибири, на Дальнем Востоке, на Крайнем Севере появились «другие» иностранные этнографы. Это были молодые люди, аспиранты-антропологи, заинтригованные неожиданной для них открывшимся этнографическим «полем». В соответствии с традициями британской и американской социальной/культурной антропологии они приезжали в Сибирь надолго, как правило на год, иногда больше, заводили знакомства, селились в северных поселках в семьях коренных жителей, кочевали с оленеводами по тундре, ловили рыбу, охотились и вообще вели себя, в глазах несколько растерявшихся властей, совершенно беспардонно, нарушая все неписаные правила поведения советских времен.

Не будет, видимо, преувеличением сказать, что в этот период в Европе, Японии и, особенно, в США, среди молодых антропологов возникла настоящая мода на Сибирь. За прошедшие годы на Таймыре и в Якутии, на Чукотке и на Сахалине, на Камчатке и на Ямале побывало более десятка западных исследователей. Перечислим некоторых из них, работавших в Сибири в 1990-е годы, и темы их исследований. Дэвид Андерсон (этнические процессы и этническое самосознание Таймырских эвенков и долган)⁸, Брюс Грант (процессы советизации у нивхов Сахалина)⁹, Патрисия Грей (современное социальное положение и властные отношения на Чукотке)¹⁰, Джон Зайкер (охота, проблемы современного землепользования у долган и нганасан Таймыра)¹¹, Александр Кинг (идентичность и религия на Камчатке)¹², Анна Кертулла (современное самосознание азиатских эскимосов, приморских чукчей и приезжих)¹³, Эрих Кастен (культу-

турное наследие камчадалов и ительменов Камчатки)¹⁴, Дэвид Кестер (социализация ительменов Камчатки), Петра Ретманн (положение коряжских женщин в социокультурном контексте современной Камчатки)¹⁵, Хироки Такакура (социальный ландшафт, оленеводство, коневодство в Якутии у эвенков и якутов)¹⁶, Эмма Уилсон (влияние нефтедобычи на народы Севера на Сахалине)¹⁷, Гейл Фондад (влияние индустриализации на оленеводство эвенков)¹⁸, Петер Швайцер (современная социальная организация коренных народов Чукотки)¹⁹. Следом за ними идет новая волна молодых западных антропологов, уже работающих или собирающихся работать на Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Особо отметим, что некоторые зарубежные аспиранты предпочли написать и защитить свои диссертации по этнографии народов Сибири в России – например, талантливый японский ученый Ацуси Есида, который в 1995–1998 годах учился в аспирантуре Института этнологии и антропологии РАН, работал среди ненцев Гыданского полуострова²⁰. Некоторые молодые люди из России, наоборот, решили получить образование в области социальной/культурной антропологии в Великобритании или США, и там защитили свои диссертации, написанные по сибирским материалам²¹. Все это свидетельствует об углублении международных научных связей, интернационализации сибиреведческих исследований.

К концу 1990-х годов деятельность молодых ученых начала приносить первые плоды. Появились публикации, вначале статьи, а затем и книги²², их авторы стали постоянными участниками сибиреведческих конференций как в России, так и за рубежом. Все это привело к тому, что научный «ландшафт» в сибиреведении заметно изменился.

Итак, научное сообщество сибиреведов довольно значительно увеличилось в количественном отношении и помолодело. К примерно трем десяткам российских сибиреведов добавились более десятка иностранных. Но одновременно постепенно сокращалась численность российских сибиреведов, как в силу естественных причин, так и за счет отъезда некоторых российских ученых на работу за рубеж, а также нежелания молодежи идти в плохо оплачиваемую (а в середине 1990-х годов – часто и вовсе неоплачиваемую) область. На фоне сократившейся численности сотрудников отделов Сибири ИЭА и Кунсткамеры, «северных» отделов Института лингвистических исследований в Петербурге, специализированных кафедр Новосибирского и Томского университетов, других центров приход в сибиреведение 10–15 энергичных молодых западных исследователей был очень заметен. Впрочем, сокращение численности российских сибиреведов, кажется, прекратилось, и сейчас наблюдается обратная тенденция, как за счет перетекания в сибиреведение ученых из других областей знания, так и за счет возникновения новых и развития старых научных центров.

Хотя на рубеже 1980–1990-х годов в советской науке начали появляться работы, уделявшие серьезное внимание современным проблемам народов Севера, таким как алкоголизм, суицид и другие²³, однако в целом тематика научных исследований западных антропологов была для российских ученых непривычной и новой (кто-то, возможно, скажет – хорошо забытой старой). В отличие от российской (советской) этнографии, основные темы которой были связаны с прошлым, с традицией, с изучением уходящей материальной и духовной культуры, этногенеза и этнической истории, западные антропологи занимаются почти исключительно современностью: современными проблемами оленеводства, современными социальными изменениями, современным этническим самосознанием и национальными конфликтами, вопросами властных и гендерных отношений в современных сообществах коренных жителей. Зарубежные фонды, финансирующие сибиреведческие исследования в России, также отдают предпочтение современной тематике, что заставляет российских ученых приспосабливаться и корректировать темы своих исследований. Появление этих тем, а затем и соответствующих публикаций и научных конференций также существенно изменило «ландшафт» сибиреведческих исследований.

Еще одно новшество состояло в том, что исследование «иностранцев» в Сибири изменило десятилетиями не менявшиеся отношения между исследователями-этнографами и теми, кого эти этнографы изучали. Остро встал вопрос об этике отношений внутри научного сообщества. В каком-то смысле можно сказать, что в советские годы Сибирь была «поделена» между отдельными учеными из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Томска, Якутска и некоторых других городов. Это разделение всей территории Сибири на «участки», закрепляющее за каждым исследователем «свой» район, язык или этнос, в основном было обусловлено малой численностью исследователей и громадностью изучаемой территории – не хватало рук; но отчасти поддерживалось и сознательно. Как бы то ни было, ситуация, когда два этнографа или два лингвиста занимались бы одним районом, одним языком или одним народом, встречалась нечасто.

В 1990-е годы у каждого (или почти у каждого) российского этнографа появился по меньшей мере один западный коллега (или конкурент – в зависимости от точки зрения), работавший в тех же районах, в тех же поселках, что и он, а часто и одновременно с ним. «Естественная монополия» российских ученых на «свой» народ, район или язык закончилась. Возникают новые непростые вопросы: какова должна быть роль российских ученых в этом процессе? Какое влияние оказывает новая ситуация на местную социокультурную среду?

Изменилась и теоретическая «парадигма» сибиреведческих исследований. В достаточно однородную в теоретическом отношении советскую (российскую) этнографию, работавшую в пределах теории этноса или – как минимум – в области соответствующей терминологии, вторглись новые теоретические подходы. И хотя в СССР знали о существовании иных подходов и методов, некоторые из них применяя на практике, тем не менее возможность использования для анализа этнографических и социально-антропологических фактов различных понятийных и терминологических систем была для российской (советской) этнографии вновь.

Дело не в том, что все «иностранные» теории и методологические подходы были обязательно хороши или что у иностранных коллег не было своих методологических стереотипов или модных теорий с обязательными ссылками на Бахтина и Якубинского, Фуко и Барта, Геллнера и Б. Андерсона (очень напоминавшие советские ссылки на Маркса, Энгельса и Ленина). Однако сам факт, что это были *другие* теории, и что возможен был *выбор* между разными подходами, оказал на российских исследователей заметное влияние. Процесс взаимовлияния научных школ не мог не быть встречным, а само «сибирское поле» в его реальной действительности до известной степени меняло и трансформировало изначальные теоретические воззрения наших зарубежных коллег.

Наконец, совершенно новой стала практика работы по грантам, в том числе зарубежным. Возможность прямых контактов зарубежных коллег с сибирскими университетами и институтами подорвала монополию Москвы и Петербурга на международные научные связи. Эта вынужденная децентрализация науки привела к активному развитию этнографических и археологических исследований в самой Сибири, в том числе в рамках международных научных проектов.

Эти изменения сибиреведческого ландшафта стали особенно заметны к концу 1990-х годов, когда первая «волна» западных антропологов начала постепенно занимать все более заметные позиции в международной социально-антропологической «сети». И хотя мода на сибирские исследования в последнее время, кажется, пошла на убыль, тем не менее очевидно, что это не случайный и не временный всплеск интереса: изменение сибиреведческого антропологического «поля» стало фактом. Сибиреведение снова превратилось в интернациональную область знания.

Естественно, что дать читателю полное представление обо всем, что происходило на семинаре, не представляется возможным. Из всего многообразия идей и мнений, кристаллизовавшихся в результате трехдневного интенсивного обсуждения, хочется выделить три: обсуждение *объекта* исследования, обсуждение *методов* исследований и обсуждение *этических аспектов* полевой работы. К сожалению, излагать их придется весьма конспективно. Следует также оговорить, что все следующее ниже не является в точном смысле слова авторским текстом, но представляет собой выжимку из трехдневных интенсивных дискуссий: мы сочли возможным представить читателю своеобразный коллаж мыслей, идей, мнений, авторами которых являются все выступавшие на семинаре. Ответственность за возможные неточности в передаче чужих идей, естественно, целиком лежит на авторах данной публикации.

Объект исследования

Территория или народ. Этнографические методы исследования, да и сама программа этнографического исследования, восходящая к Миллеру, были первоначально использованы для этнографического описания территорий, локальных групп. В советской этнографии эти методы и подходы были применены к этносам и этническим группам, что создавало проблему при описании народов, разбросанных на больших территориях (эвены, эвенки, ненцы) или живущих в тесном контакте с другими (селькупы, юкагиры, эвенки, народы Дальнего Востока). Эта традиция сейчас преодолевается – не в последнюю очередь благодаря примеру западной социальной антропологии, которая использует территориальный подход в исследованиях.

История или современность. Западные исследователи, приезжая в Сибирь, испытывают трудности в разведении двух элементов, входящих сегодня в любую «северную» культуру: собственно характеристики данной культуры и тех ее элементов, которые являются общероссийскими (общесоветскими): для них все наблюдаемые факты есть признаки изучаемой культуры. Напротив, российские этнографы сразу видят в северных культурах этот общероссийский элемент (т.е. то, что успела внести в культуры коренных народов русская/советская культура) и отбрасывают его как вторичный. В итоге современный аспект «северной» культуры оказывается вне пределов специального внимания как тех, так и других. Чтобы это преодолеть, необходимо постоянное сотрудничество российских и западных антропологов: совместными усилиями иногда легче описать объект во всех его значимых аспектах²⁴.

Община. Одно из важных понятий, которое сегодня особенно часто встречается в сибиреведении – это понятие община (*community*). Это понятие трудно для перевода, так как само его содержание различается в Сибири и, например, в Канадской Арктике. В начале 1990-х годов термин «община» стал все чаще употребляться в текстах вновь формируемых законов по народам Севера, многие из которых были написаны

с использованием опыта законодательства в Канаде и Скандинавии. Уже имеется официальное юридическое определение общины коренных малочисленных народов Севера²⁵. Однако не всегда ясно, действительно ли община (community) существует в реальности, или социальный антрополог «конструирует», создает ее, приступая к изучению той или иной территории. Действительно, в Сибири многие «общины коренного населения» оказываются созданными искусственно сравнительно недавно, в основном при насильственных переселениях 1960-х годов, иногда раньше или позднее – при разрушении совхозов начала 1990-х. При том, что именно они становятся объектом исследования (а также объектом, с которым антрополог должен установить отношения и к которому применимы различные этические принципы – см. ниже), нельзя забывать об истории их формирования и их «вторичной» природе. Во многих районах Сибири эти общины имеют смешанный характер, включают и коренные малые народы, и постоянное русское население, и русских старожилов. Это подводит к следующему аспекту определения объекта исследования.

Коренное население или все население? Этносоциальная картина современной Сибири сложна и не сводится в социально-антропологическом плане к простой дихотомии коренное/приезжее население. Во-первых, само аборигенное сообщество в настоящее время сложно стратифицировано: те, кто поддерживает традиционный образ жизни, – тундровики или таежники; безработные в поселках; национальная интеллигенция, занимающая лидирующие позиции в общественных организациях и, реже, в местных органах власти. То же самое с «приезжими» – это и русское старожильческое население, и группы старообрядцев, и «приезжие», чьи предки родились и выросли в Сибири, и «временные» приезжие, и другие. Кроме того, выделение населения может идти не только по принципу этнической принадлежности, но и по принципу профессиональных занятий. Для некоторых районов Сибири целесообразно выделять три разных, но взаимосвязанных друг с другом типа социальных факторов: местная власть, местная промышленность («нефтяники») и коренное население. Их необходимо изучать, причем изучать одними и теми же социально-антропологическими методами. Более того, этические принципы изучения коренного населения должны быть применены и к изучению местных властей, «нефтяников» и других категорий населения. Эта мысль – что этнологические исследования Сибири не должны ограничиваться изучением только коренных народов, что другие категории населения также должны стать полноправным объектом анализа, что сибирские города должны стать предметом социально-антропологических исследований не в меньшей степени, чем поселки и кочевья – проходила красной нитью в выступлениях многих участников семинара.

Методы и подходы

Этнографические вопросники советской этнографии, доставшиеся ей в наследство (разумеется, в модифицированном виде) чуть ли не от Второй Камчатской экспедиции, легли в основу большинства этнографических описаний. Эта программа предполагала раздельное описание материальной и духовной культуры, уделяла особое внимание проблемам этногенеза, этнической истории, типологии культур; для нее была характерна также ориентация на изучение этнографических реалий как фактов прошлого. Благодаря работе советских этнографов к настоящему времени накоплена огромная база данных по «традиционным» культурам народов Севера. Эти данные имеют непреходящую ценность и могут быть использованы для будущих теоретических построений, а также для сравнительного изучения современного бытования этих культур. Хотя в западной традиции социально-антропологических исследований эти темы также занимают определенное место, основной их вектор – исследования современности. К сожалению, западные исследователи в своем большинстве, мягко говоря, недостаточно знакомы с богатым научным наследием советского и российского сибиреведения.

Почему отечественные ученые неохотно обращаются к современности? Только ли традиции исторического образования, нехватка знаний соответствующих методик, приемов и методов исследования, просто отсутствие навыка увидеть научную проблему не в прошлой, «музейной» реальности, а в повседневной жизни препятствуют этому? Для многих российских сибиреведов обращение к современности равнозначно переходу от «чистой» науки к «прикладной» – путь, на который многие из них не хотели бы становиться. В некоторых случаях можно, по-видимому, говорить о своеобразном «эскапизме»: исследователи сознательно или неосознанно стараются уйти от современных проблем, которые во многих районах сегодняшней Сибири – скорее экономические, социальные, медицинские, чем этнографические. А с другой стороны, не диктует ли сама исследуемая российско-сибирская этнографическая реальность именно такие, а не иные подходы?

Этические аспекты исследования

Довольно активно (в основном нашими западными коллегами) на семинаре обсуждался вопрос о необходимости специального российского «этического кодекса» проведения полевых исследований, об ответственности антрополога перед изучаемым народом. Известно, что такие кодексы существуют в других странах – в США, в Канаде, что подобные этические правила поведения принимают международные антропологические ассоциации (например, «Принципы проведения исследований», принятые Международной Арктической Ассоциацией Общественных наук (*International Arctic Social Sciences Association*) или Профессиональный этический кодекс, обязательный для всех членов Ассоциации Американских антропологов (*American Anthropological Association*); аналогичные правила поведения для антропологов устанавливаются и общинами коренного населения (например, Регламент проведения исследовательских работ на территории народа Тл'азт'эн).

Осознанный гуманистический подход к объекту исследования, негласные этические правила поведения в «поле» в России были всегда: вспомним советы замечательного путешественника и этнографа Г.Н. Потанина, «10 заповедей этнографа» Л.Я. Штернберга, этнографические программы Г.С. Виноградова, наконец, сам факт подготовки «национальных научных кадров», когда объект исследования фактически превратился в его субъект. Возможно, поэтому необходимость принятия подобных документов в России пока осознается не всеми. Если говорить о кодексе как об официальном документе, то принять его могла бы Ассоциация российских этнологов и антропологов. Должен ли он в таком случае быть единым и для российских, и для иностранных ученых? И в отношении противоположной стороны – коренного населения – существуют сомнения относительно права «общины» (которая в данном случае сводится к местной элите) выступать субъектом такого «этического договора».

И российские этнографы, и западные антропологи в Сибири одну из своих основных задач видят в том, чтобы «стать голосом» коренного населения: претворить свое эмоциональное, небезразличное отношение к коренному населению в действие, помочь ему, прежде всего в юридическом плане, в борьбе за свои права²⁶. Одна из главных проблем здесь – неотчетливость границы между «прикладной антропологией» и патернализмом: неясно, в какой степени антропологи имеют право навязывать коренному населению свое видение проблем, свой «язык» юридически грамотного поведения – и в какой степени они обязаны это делать.

Западные антропологи находятся здесь в более сложной ситуации, чем их российские коллеги, потому что они, не являясь гражданами России, не имеют права вмешиваться в местную политику, принимать ту или иную сторону в политических, экономических и социальных конфликтах. И все же практический опыт сочетания научных интересов исследования и интересов общины имеется. Он реализуется в совместных проектах, например в тех, которые успешно осуществляются на Камчатке²⁷.

Тем не менее в российских и западных подходах к антропологическому исследованию есть и много общего. Это прежде всего междисциплинарный характер исследований, а также то, что было названо одной из выступавших «социальным миссионерством». Другой выступавший предложил интересную схему типов отношения этнографа к изучаемому объекту: этнолог-миссионер, несший «диким» народам «свет знания», этнолог-коллекционер, собиравший вещи и факты, этнолог-экспериментатор 1920-х годов, этнолог-мировоззритель и защитник, этнолог-переводчик с языка изучаемого народа на государственный язык своей страны и, наконец, этнолог-ученик, видящий свою задачу в том, чтобы понять другую культуру «изнутри». Эти типы, возможно, и не реализуются «в чистом виде», однако все они, в той или иной пропорции, присутствуют в каждом сегодняшнем этнографе и социальном антропологе независимо от того, принадлежит ли он российской или западной научной традиции.

Одно из главных достижений организаторов семинара – присутствие аспирантов и студентов старших курсов, которых удалось привезти с собой почти всем участникам. «Молодежь» присутствовала на заседаниях, участвовала в работе групп, ежедневно проводила свою отдельную рабочую группу и докладывала результаты своих дискуссий. Уже после закрытия конференции одна из аспиранток сказала с оттенком удивления, обращаясь к группе своих старших коллег – организаторов семинара: «Странно, что ваше поколение воспринимает эту ситуацию – открытость Сибири для иностранцев, широкий масштаб совместных исследований, необходимость изучения современности, возможность обращения за грантами в международные фонды, – как что-то новое и необычное. Для нас это совершенно нормально: иначе и быть не может». Представляется, что это искреннее недоумение – разве бывает иначе? – подтверждает тот факт, что усилия международного научного сообщества сибиреведов в деле интернационализации этой области знания не прошли даром.

А что касается названия конференции, – все согласились с тем, что все мы, этнографы, социальные/культурные антропологи принадлежим сибирской этнографии, вне зависимости от национальности, гражданства и теоретических подходов. Все мы любим Сибирь, и все мы делаем, в сущности, одно дело, которое в полной мере может быть оценено лишь будущими исследователями.

Примечания

¹ *Ширина Д.А.* Экспедиционная деятельность Академии Наук на северо-востоке Азии, 1861–1917. Новосибирск, 1993; *Она же.* Летопись экспедиций Академии наук на северо-восток Азии в дореволюционный период. Новосибирск, 1983.

² См. подробную библиографию публикаций, связанных с работой этой экспедиции: *Krupnik I.* A Jesup Bibliography: Tracking the Published and Archival Legacy of the Jesup Expedition // *Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902.* Wash., 2002. P. 297–316.

³ См., например, о влиянии трудов С.М. Широкогорова на европейскую этнографию в публикации некролога Широкогорова, напечатанного в 1940 г. В. Мюльманом – ЭО., 2002. № 1; см. также диссертацию Петера Швайцера: *Schweitzer P.P.* Siberia and Anthropology: National Traditions and Transnational Moments in the History of Research // *Habilitationsschrift.* Eingereicht an der Human- und Sozialwissenschaftlichen Fakultät der Universität Wien. Wien, September 2001.

⁴ В настоящее время работает в Джорджтаунском университете, США. См. ее публикации: *Balzer M.* *Mandelstam.* Ethnicity Without Power: The Siberian Khunty in Soviet Society // *Slavic Review.* 1983. № 42 (4). P. 633–648; *Eadem.* Sacred Genders in Siberia: Shamans, Bear Festivals, and Androgyny // *Gender Reversals and Gender Cultures: Anthropological and Historical Perspectives.* L., 1996. P. 164–182; *Eadem.* The Tenacity of Ethnicity: a Siberian Saga in Global Perspective. Princeton, 1999.

⁵ Ныне профессор факультета социальной антропологии Университета Кембриджа (Великобритания). Ее работа, написанная на основе сибирских материалов, была опубликована: *Humphrey C.* *Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm.* Cambridge, 1983. Недавно эта работа переиздана: *Marx Went Away – But Karl Stayed Behind.* Ann Arbor, 1998; *Eadem.* Buryatiya and the Buryats // *The nationalities Question in the Post-Soviet States.* L., 1996. P. 113–125 и др.

⁶ П. Витебски – руководитель программы социальных исследований Полярного института имени Скотта Университета Кембриджа (Великобритания). Среди его публикаций по Сибири см.: *Vitebsky P.* From Cosmology to Environmentalism: Shamanism as Local Knowledge in a Global Setting // *Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge: Global and Local Relations.* L., 1995 и ряд статей.

⁷ *Hamayon R.* La chasse à l'ame. Esquisse d'une thérie du chamanisme siberien. Nanterre: Societé d'ethnologie, 1990; *Eadem.* Shamanism in Siberia: From Partnership in Supernature to Counter-Power in Society // *Shamanism, History, and the State.* Ann Arbor, 1994. P. 76–89 и др.

⁸ *Anderson D.D.* Identity and Ecology in Arctic Siberia. Oxford, 2000 (см. русское издание: *Андерсон Д. Дж.* Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998).

⁹ *Grant B.* In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas. Princeton, 1995.

¹⁰ *Gray P.A.* Snezhnoe: Where East and West Collide // *Transitions: Changes in Post Communist Societies.* Vol. 4. № 6. 1997; *Eadem.* Chukotkan Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition // *Polar Research.* 2000. Vol. 19. № 1. P. 31–38; *Eadem.* The Chukchi and Siberian Yupiit of the Russian Far East // *Endangered Peoples of the Arctic: Struggles to Survive and Thrive.* Westport, 2000. P. 17–37 (в соавт. с П. Швайцеров); *Eadem.* The obshchina in Chukotka: Land, property and local autonomy // *Working Paper of the Max Planck Institute for Social Anthropology.* № 29. Halle, 2001.

¹¹ *Ziker J.* Kinship and Exchange Among the Dolgan and Nganasan of Northern Siberia Research in Economic Anthropology. Vol. 19. Greenwich, 1998. P. 191–238; *Idem.* Land Use and Social Change among the Dolgan and Nganasan of Northern Siberia // *Parks, Property, Power: Managing Hunting Practice and Identity within State Policy Regimes.* Ethnological Studies. № 59. Osaka, 2001. P. 47–66; *Idem.* Assigned Territories, Family / Clan Holdings, and Common-Pool Resources in the Taimyr Autonomous Region, Northern Russia // *Working Paper of the Max Planck Institute for Social Anthropology.* № 32. Halle, 2002.

¹² *King A.* Soul Suckers: Vampiric Shamans in Northern Kamchatka, Russia // *Anthropology of Consciousness.* 1999. № 10 (4). P. 74–85.

¹³ *Kerttula A.* Antler on the Sea: The Yupik and Chukchi of the Russian Far East. Ithaca; London, 2000.

¹⁴ *Steller G.W.* Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt / Leipzig. Neudruck / Eds. E. Kasten, M. Dürr. Bonn, 1996; Bicultural Education in the North: Ways of Preserving and Enhancing Indigenous Peoples Languages and Traditional Knowledge // Eds. E. Kasten. Münster; New York, 1998; *Kasten E., Dürr M.* Children's Drawings from Siberia and the North Pacific Rim // *Ethnographic Library on CD.* Vol. 4. Münster; New York, 2000; *Idem.* Indigenous Cultures and the World Heritage Area in Kamchatka // *Cultural Landscapes and Nature Conservation in Northern Eurasia.* Bonn, 1998. P. 186–191.

¹⁵ *Rethmann P.* Tundra Passages: History and gender in the Russian Far East. Penn., 2001.

¹⁶ *Takakura H.* Ethnography of Siberian Socialism: The Landscape of Reindeer Herders. Tokio, 2000 (на яп. яз); *Она же.* Население Северной Якутии. Мнение зарубежных исследователей // Республика Саха (Якутия): путь к суверенитету. Якутск, 2000. С. 193–220; *Idem.* An Institutionalized Human-Animal Relationship and the

Aftermath: The Reproductive Process of Horse-Bands and Husbandry in Northern Yakutia, Siberia // *Human Ecology*. 2002. Vol. 30. № 1.

¹⁷ Уилсон Э. Традиционное природопользование и добыча нефти на северо-востоке Сахалина // Тр. Камчатского Ин-та экологии природопользования. Вып. 1. Петропавловск-Камчатский, 2000. С. 170–182.

¹⁸ Fondahl G. Gaining Ground? Evenki, Land and Reform in Southeastern Siberia. Wilton, 1998.

¹⁹ Schweitzer P.P. Traveling Between Continents: Native Contacts Across the Bering Strait, 1898–1948 // *Arctic Research of the United States*. 1997. № 11. P. 68–72; *Idem*. Hierarchy and Equality among Hunter-Gatherers of the North Pacific Rim: Towards a Structural History of Social Organization // *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok, 2000. P. 123–131; *Idem*. Silence and Other misunderstandings: Russian Anthropology, Western Hunter-Gatherer Debates, and Siberian Peoples // *Hunters and Gatherers in the Modern World: Conflict, Resistance, and Self-Determination*. N. Y., 2000. P. 29–51; *Idem*. The Social Anthropology of the Russian Far North // *The Arctic: Environment, People, Policy*. Amsterdam, 2000. P. 411–439.

²⁰ Есида Ацуси. Культура питания гыданских ненцев: Интерпретация и социальная адаптация. М., 1998; *Он же*. В поисках предков гыданских ненцев (по литературным источникам) // *Народы Сибири*. Сибирский этнографический сборник. Кн. 3. М., 1997. С. 140–170.

²¹ Argounova T. Scapegoats of Nationalism: Ethnic Tensions in Sakha (Yakutia), northeastern Russia // Unpublished doctoral dissertation. University of Cambridge, 2001. В Кэмбридже (Великобритания) также защитил диссертацию Н. Скорин-Чайков.

²² Важно отметить, что некоторые из зарубежных исследователей публикуют результаты своих полевых работ в Сибири и на Дальнем Востоке не только на английском или своем родном, но и на русском языке (Д. Андерсон, Э. Уилсон, М. Балзер, Х. Такакура и ряд других), и не только в центральных, но и в региональных научных изданиях.

²³ Пика А., Прохоров Б. Большие проблемы малых народов // *Коммунист*, 1988. № 4; Неотрадиционализм на российском Севере. М., 1994 и др.

²⁴ В последнее время публикуются совместные статьи российских и зарубежных ученых. См., напр.: Schweitzer P., Golovko E. Traveling Between Continents: The Social Organization of Interethnic Contacts Across Bering Strait // *The Anthropology of East Europe Rev.* 1995. Vol. 13(2). P. 50–55; *Eadem*. Local Identities and Traveling Names: Interethnic Aspects of Naming in the Bering Strait Area // *Arctic Anthropology*. 1997. № 34 (1). P. 167–180; Fondahl G., Lazebnik O., Poelzer G. Aboriginal territorial rights and the sovereignty of the Sakha Republic // *Post-Soviet Geography and Economics*. Vol. 41. 2000. P. 401–417; Fondahl G., Lazebnik O., Poelzer G., Robbek V. Native «Land claims», Russian Style // *The Canadian Geographer*. 2001. Vol. 45. № 4. P. 545–561; Turov M.G., Inoue K. The evenki of Middle Siberia: «Survival» viewed in retrospective of an ethnic history // *Ethnological Study of Herders in Siberia*. Nagoya, 1996. P. 11–97; Golovnev A., Osherenko G. Siberian survival: the Nenets and their story. Cornell, 1999.

²⁵ В федеральных законах «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера» и «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера».

²⁶ Новое направление – юридическая антропология – разрабатывается в стенах Института этнологии и антропологии РАН. Совместно с канадскими партнерами проводятся семинары-тренинги для представителей коренного населения. См.: *Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии*. М., 1999; *Юридическая антропология. Закон и жизнь*. М., 2000; *Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии*. М., 2002.

²⁷ Опыт организации территории традиционного природопользования Тхсаном (консультант общины ительменов О.А. Мурашко); совместные проекты по исследованию ительменского языка, собиранию творческого наследия ительменов и камчадалов (Э. Кастен, Т. Халоймова и др.).